

М.К. Голованивская

КУЛЬТОРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ЛЮБОВНОГО ПРИЗНАНИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье анализируются три основных глагола русского любовного признания, через которые выявляется специфика русских представлений о любви – признаваться, объясняться, открываться. Глагол «признаваться» уподобляет любовь преступлению, «объясняться» – загадке, несурзости, «открываться» – тайне. За каждым из этих уподоблений стоит мифологический и культурно исторический исток, ни одно из этих словоупотреблений не случайно. Так за глаголом «объясняться» стоит античный (древнегреческий) миф, поясняющий, отчего два человека испытывают друг к другу внезапное сильное притяжение, страсть. В статье поясняется исток типично русских представлений о паре возлюбленных и потом супругов, как о двух половинах. Речь тут идет об истории из платоновского «Пира» (диалог, посвященный вопросам любви), о некогда живших, по этому мифу, людях трех полов: мужчинах, женщинах и андрогинах, обладавших невероятной силой. Именно за это последние по воле богов были рассечены на две половины. «И вот когда, – читаем мы у Платона, – тела были таким образом рассечены, каждая половина с вожделением устремлялась к другой своей половине, они обнимались, сплетались, страстно желая срастись, умирали от голода и бездействия, потому что ничего не желали делать порознь... Вот с таких давних пор свойственно людям любовное влечение друг к другу, которое, соединяя прежние половины, пытается сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу». То же пишет и Аристофан, излагая свою историю об андрогинах. Он говорит о том, что «любовью называется жажда целостности и стремление к ней». К этой же истории возводится и «преступность» любви. Преступление в желании соединения вопреки воле богов. На эту же ситуацию указывают этимологии слов «пол» и “sex”. Слово «пол» (мужской и женский) произошло от старославянского «поль» – половина. Эта же картина наблюдается и в других славянских языках, где упомянутый корень связан с понятиями «сторона», «половина», «разрез». Ситуация отсечения, отреза, отрыва стоит и за словом «секс», пришедшим в русский язык из английского, а туда – из латыни.

Голованивская Мария Константиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: golovanivskaya@gmail.com).

“Sexus” – первоначально означало «отделение», «рассечение» (см. однокоренные «секция», «сегмент», секатор). «Пол», как и латинский “sexus” – линия отрыва, разделения, шрам, который притягивает то, что было когда-то отделено. Отсюда и притяжение полов, половое влечение, которое ни при каких идейных веяниях никогда не подвергалось сомнению. Этот же предмет составляет тайну, которую нужно скрывать, а решение открыться требует отваги и готовности рискнуть. Прежде всего потому, что именно у славян любовь, суженый и суженая – части судьбы. В отличие от европейской судьбы (Фортуны) славянский Судженицы, приходя в дом к новорожденному непременно обсуждают вопросы его будущей сердечной жизни. В статье приведены и проанализированы примеры из любовных объяснений, содержащихся в русской классической литературе, а точнее в русской прозе.

Ключевые слова: социокультурный смысл; русский менталитет; мифология; античность; христианство; культура; традиция; любовь; любовное признание.

По-русски в любви объясняются, открываются, признаются.

Эти три глагола в полной мере раскрывают особенности национального менталитета в восприятии любовного чувства, что доказывается тем фактом, что для характеристики этого действия в других языках используются глаголы принципиально другой семантики, а эти в данном контексте непереводимы. По-французски мы говорим “dire, manifester son amour”, по-английски – “tell somebody you love him, to declare one’s love”, по-немецки – “seine Liebe gestehen” и т.д.

Рассмотрим скрытые смыслы, стоящие за каждым из русских глаголов.

Глагол «объясняться» связан с идеей непонятности сказанного, чего-то что само собой не очевидно и требует.

Глагол «признаться» предполагает, что то, о чем идет речь общественно неодобряемо, даже преступно (признаются в совершенном преступлении, проступке, грехе). Мы говорим: «он признался в содеянном», «он признал свою вину», «он признался», «чистосердечное признание» и т.д.

«Открыться» предполагает, что содержание речи, ее предмет сокровенно, сокрыто, он указывает на положение чувства где-то глубоко внутри без видимого проявления вовне, любовь – это тайна, которую признающий открывает.

В индоевропейской мировоззренческой системе получение любого знания оформляется через глагол «открывать» (ср. русское «открытие», французское “découverte”, английское “discovery”, немецкое “Entdeckung” и т.д.), связано это с исконно мифологической идеей запятанности, закрытия истинного знания для человека (тут представлен весь спектр возможностей от трагической судьбы Ада-

ма и Евы или царя Эдипа до выражений типа «много будешь знать – скоро состаришься» и др.), однако в нашем случае речь идет не об открытии внешнего по отношению к человеку знания, а об открытии человеком знания о самом себе. Это другой случай, и у нас есть все основания относиться к этому глаголу не как к стертой метафоре, а как к осмысленному словоупотреблению.

Попробуем понять, почему русские мыслят любовь как преступление, тайну, непонятное и необъяснимое чувство.

Любовь как преступление. Любовное чувство описывается в русской литературе, да и в обыденном сознании как страдание (страсть), почти болезнь. Из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»: «Одинцова протянула вперед обе руки, а Базаров уперся лбом в стекло окна. Он задыхался; все тело его видимо трепетало. Но это было не трепетание юношеской робости, не сладкий ужас первого признания овладел им: это страсть в нем билась, сильная и тяжелая – страсть, похожая на злобу и, быть может, сродни ей... Одинцово стало и страшно и жалко его»¹.

Так представлен этот сюжет в классических текстах, да и в жизни. Один человек влечется к другому, внезапно, необъяснимо, и более не мыслит своей жизни без него. При этом в нашей культуре принято придавать этому состоянию судьбообразующий статус [Антипов, 2012: 33–36; Рыбаков, 1981], любовь в русской культуре причина для заключения брака, что далеко не так в традиционалистских культурах, где для заключения брака принимаются рациональные доводы, связанные с прагматикой соединения семей и продолжения рода (все культуры с сильным влиянием родового строя или религий) [Coogan, 2010: 78; Положенкова, Добронос, 2016: 34]. А если нет возможности сочетаться браком, то большая любовь все равно есть фактор судьбы (см. Григорий и Аксинья из «Тихого Дона» М.А. Шолохова или Анна Каренина и Вронский из романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого).

Объяснение риторики «я без тебя жить не могу», при том что испытывающие наваждение рационально прекрасно понимают условность такого ощущения, имеет, на наш взгляд, единственный мифологический исток, трактующий возлюбленных как две половины, потенциально могущие образовать единое целое. Речь тут идет об истории из платоновского «Пира» [Платон, 2006: 238] (диалог, посвященный вопросам любви), о некогда живших, по этому мифу, людях трех полов: мужчинах, женщинах и андрогинах, обладавших невероятной силой. Именно за это последние по воле богов были рассечены на две половины. «И вот когда, – читаем мы

¹ Тургенев И.С. Отцы и дети. СПб., 2008. С. 106.

у Платона, – тела были таким образом рассечены, каждая половина с вожделением устремлялась к другой своей половине, они обнимались, сплетались, страстно желая срастись, умирали от голода и бездействия, потому что ничего не желали делать порознь... Вот с таких давних пор свойственно людям любовное влечение друг к другу, которое, соединяя прежние половины, пытается сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу». То же пишет и Аристофан, излагая свою историю об андрогинах. Он говорит о том, что «любовью называется жажда целостности и стремление к ней». Вот матрица, из которой растет русская любовная риторика. Вот объяснение того, что муж называет жену, а жена мужа «моя половина». На это же указывает и русское слово «пол» (мужской и женский), произошедшее от старославянского «поль» – половина [Фасмер, 1987]. Эта же картина наблюдается и в других славянских языках, где этот корень связан с понятиями «сторона», «половина», «разрез». Эта же ситуация стоит и за словом «секс», пришедшим в русский язык из английского, а туда – из латыни. “Sexus” – первоначально означало «отделение», «рассечение» (см. однокоренные «секция», «сегмент», секатор» [Centre National...]. «Пол», как и латинский “sexus” – линия отрыва, разделения, шрам, который притягивает то, что было когда-то отделено. Отсюда и притяжение полов, половое влечение, которое ни при каких идейных веяния никогда не подвергалось сомнению. В приведенной цитате из повести Алексея Толстого «Гадюка» эта мысль выражена предельно определенно:

«— Ну? – спросила она. – О чем вы хотели со мной говорить?»

Он швырнул портфель на кровать, взъерошил волосы и начал гвоздить кулаком непроветренный воздух в комнате.

— Товарищ Зотова, мы всегда подходим к делу в лоб, прямо... В ударном порядке... Половое влечение есть реальный факт и естественная потребность... Романтику всякую там давно пора выбросить за борт... Ну вот... Предварительно я все объяснил... Вам все понятно...

Он обхватил Ольгу Вячеславовну подмышки и потащил со стула к себе на грудь, в которой неистово, будто на краю неизъяснимой бездны, колотилось его неученое сердце².

Миф (или история), объясняющий сильнейшее иррациональное притяжение двух людей друг к другу, нереализация которого может привести к смерти, явно имеет общий исток, возможно, универсальный для целого ряда культур.

«Преступление», в котором признается влюбленный – конфликт с христианской догмой. «Человек христианский» образует единое

² Толстой А.Н. Гадюка // Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1979. С. 98.

целое только с Богом [Сергеева, 2013], его земная половина должна происходить из правильного разума, а не из ослепляющей страсти, античного, языческого характера. Сознание своей ополовиненности, нецелостности, актуализация своего пола (и в прямом смысле и в метафорическом, о котором мы писали) есть осуждаемая с точки зрения христианства реальность. Соединением людей ведаёт Господь, заключая браки на небесах, не страсть земная и порочная. Земная и порочная страсть близко подводит человека к сраму, срамному – ещё одному пейоративному обозначению «пола» человека (см., например, в «Обломове» Гончарова: «Ее взгляд встретился с его взглядом, устремленным на нее: взгляд этот был неподвижный, почти безумный; им глядел не Обломов, а страсть»³).

Любовь как непонятность. Непонятность любовного чувства, которую надо объяснять, связана с деактуализацией античного мифа о гермафродитах. Человек, попавший во власть чувства, ничего об этой истории не знает. Он сам не понимает, почему «не может жить без», а ещё совсем недавно мог. Объясниться – означает выстроить правдоподобное объяснение имеющей место эмоциональной реальности. Доказать, что такова судьба, такова воля Божья, что вся жизненная логика вела к заветной встрече.

Соединение любви, личной жизни человека с идеей судьбы – типично славянская особенность. Европейская судьба (Фортуна, Предназначение, группа понятий, связанная со жребием [Голованивская, 2007: 56–78]), личную жизнь человека в себя не включает. Фортуна раздаёт «ремесла», предназначение говорит о высшей миссии человека в его земной жизни, жребий трактует вопросы везения/невезения, у славян же иначе (см., например, связь любви и судьбы в последнем куплете известной песни «Очи черные»: Но не грустен я, не печален я,/ Утешительна мне судьба моя:/ Всё, что лучшего в жизни Бог дал нам,/ В жертву отдал я огненным глазам)!

Суженицы, или Судженицы, – славянские «ответственные» за судьбу [Агапкина, Белова, Толстая, 2002] – это три мифических существа женского пола, три бессмертные сестры, посещающие ребенка. В полночь на третий или пятый день после рождения приходят издали в дом, где он родился, чтобы наречь ему его судьбу. Суд вершит сначала старшая сестра, обрекающая ребенка на смерть. Затем говорит средняя, предрекая новорожденному физические недостатки или увечья, а затем уже в дело вступает младшая, как водится, самая милостивая, она-то и определяет, сколько ребенку жить, когда идти к венцу и с чем в жизни столкнуться. Считалось,

³ Гончаров И.А. Обломов. М., 1969. С. 356.

что они писали судьбу ребенку на лбу или макушке (отсюда выражение «так ему на роду написано», род – это родничок, верхняя часть головы), а также и то, что по-русски «суженый» и «суженный» означает именно любимого, а не того, кто может быть избран в женихи или невесты чужой волей.

Конечно, связь судьбы и любви – феномен не исключительно славянского происхождения. Все мы знаем, что распространенные по миру гадатели по руке, практикующие древневосточные способы предсказания судьбы, считают с ладони и линию жизни, и линию ума, и линию сердца, то есть любви. Влияние страстей человеческих на жизнь и судьбу известно многим цивилизациям, но важно здесь, что в каждой из них этому феномену – страсти – отводится свое место, в соответствии с той трактовкой, которое это понятие получило в культуре. Так, гадание по картам преподносит «сердечные дела» с легкой иронией, а составители астрологических карт – высокомерно, всякий раз предлагая заказчику карты мыслить более глобальными категориями, чем его крохотная жизнь.

Мы в России относимся к любви и страсти серьезно, уважительно, привыкли считаться с ней и привязывать к разработанному в культуре понятию любви целый пучок моральных норм. И дело здесь не только в том, что славянские Судженицы с сердобольной младшей сестрой хранятся в нашей исторической памяти, в отличие, например, от сознания европейцев, бережно хранящих на своей цивилизационной полке шалящего мальчика Амура, лупящего своими стрелами в кого ни попадя. В запыленных закромах нашего коллективного бессознательного есть еще одно сокровище, славянская богиня Лада, которая дополняет и развивает то, что пишет на лбу новорожденного младшая из Суджениц. Прежде всего мы «помним» Ладу – богиню любви, брака, весны и плодородия – в некоторых словах и выражениях, обозначающих согласие, радость и полноту жизни. Здесь и слово «ладно», и восклицание «лады!», и выражение «пойти на лад», и даже воспроизводящие солнечную форму олады и оладушки, привносящие за семейный стол ощущение гармонии, подхваченное музыкальным значением слова «лад». Какие уж тут легкомысленности при таком мифологическом арсенале! Кстати, Лада, она же Лето (Леда в древнегреческой мифологии), ассоциировалась с белой лебедушкой, и поныне украшающей своим изображением не только интерьеры брачных салонов и магазинов для новобрачных, но и традиционный свадебный стол [Трубачев, 1959: 99–102].

Сделанные исследователем мифологии и культуры М.М. Маковским в его «Сравнительном словаре мифологической символики в

индоевропейских языках» наблюдения позволяют увидеть некий более глубокий и широкий контекст: язычники понимали любовь как космогоническое начало, внесшее гармонию в нарождающуюся вселенную, в ней же содержалась и упорядочивающая сила. Мы понимаем, что здесь он говорит о, так сказать, Большой Любви, которая не разделяется на подвиды и объединяет все: любовь к Богу (или к богам), матери, истине, ближнему. Очевидно, что категоризация этого понятия, впрочем, без выделения из него ряда синонимов – явление куда более позднее, чем языческий мир. Анализируя происхождение эквивалентов слова «любовь» во множестве языков, мы убеждаемся, что это понятие исторически связано с такими понятиями, как «музыка, гармония», «пустота, бездна, нуль», «вечер, ночь», «страстно желать», «слово», «говорить», «темный», «луна», «затмеваться» (о солнце), «застывший в религиозном экстазе» [Маковский, 1996].

Вот это все и есть объяснение, которое в более, конечно, сжатой форме должен представить говорящий о своем чувстве.

Любовь как сокровенное и тайна. Изложенное помогает понять в чем тайна (см. в качестве примера реплику Принцессы из «Обыкновенного чуда» Е.Л. Шварца: *Принцесса*. «Ну вот и хорошо. У меня теперь есть тайна, которую я не могла бы поведать даже самым близким людям. Только вам. Вот она: я люблю вас. Да, да! Правда, правда! Так люблю, что все прощу вам. Вам все можно») ⁴.

Внезапно осознанная самонедостаточность, потеря целостности делает человека уязвимым. Обнаружение этого перед другим – опасность. Но тайна также и в осознании своего пола, вызывающего тела, грезы, которую порождает страсть. В осознании своего стыда и срама в значении пола и много шире. Вернемся к уже упомянутому слову «срам», обозначающему одновременно и половые органы, и высшее порицание человека или самую негативную оценку его поступка – срам, позор. Это слово заимствовано из церковно-славянского языка, в котором оно также обозначало высшее порицание, а также оценку чего-либо – «ужас, жуть» [Даль, 1998].

Как ни покажется странным, но слова «срам» и «стыд» особенно часто начинают употребляться, применительно к ситуации любовного объяснения и действия, с ним связанного, именно во второй половине XIX в. [Фасмер, 1987], у Достоевского и после него, но в значении особенном, приравнивающим душевное откровение к телесному. Срам – это и развратное действие, и признание в любви, которое с точки зрения нравов того времени – такой же разврат.

⁴ Шварц Е.Л. Пьесы. М., 2001. С. 65.

Любовь срамна, стыдна в плоскости телесного позыва, и этот телесный позыв и есть сокровенное, тайное, это нагота, которую человек всегда инстинктивно пытается прикрыть руками.

В самом начале этой статьи мы привели английский, французский и немецкий эквиваленты русских понятий «объясниться», «признаться», «открыться в любви». Все они со всем синонимическим рядом в европейских языках сводятся к понятной формуле «сказать о своей любви», «объявить о своей любви». Европейский менталитет, видящий мир через закон и прозрачный регламент, мыслит любовное объяснение как предпосылку к действию, о наличии которой надо просто объявить. Истории счастливой любви в европейском искусстве – норма, запрограммированная историей «Амура и Психеи», в то время как для русской культуры и литературы нормой является несчастная любовь, которая в силу внутренней противоречивости самого понятия, нормативно несчастлива. Из многочисленных любовных историй русской литературы, счастливой может считаться разве что история «Кити и Левина» из «Анны Карениной» Л.Н. Толстого, а формула «они жили долго и счастливо и умерли в один день» – прерогатива русской сказки, но никак не реалистичного русского романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агапкина Т.А., Белова О.В., Толстая С.М.* Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 2002.
2. *Антипов М.А.* Судьба в мировоззрении древних славян // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2012. № 42. С. 33–36.
3. *Головановская М.К.* Ментальность в зеркале языка. Основные мировоззренческие категории французов и русских. М., 2009.
4. *Даль В.* Словарь живого великорусского языка. М., 1998.
5. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996.
6. *Платон.* Диалоги. М., 2006.
7. *Положенкова Е.Ю., Добронос Д.А.* Брак и семья в христианской и мусульманской традициях // Молодой ученый. 2016. № 1. С. 862–865.
8. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981.
9. *Сергеева Е.В.* Человек и бог в русском религиозно-философском дискурсе. М., 2013.
10. *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. Т. 3. М., 1987.
12. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. Etymologie. URL: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/> (дата обращения: 01.04.2018).
13. *Coogan M.D.* God and Sex. What the Bible Really Says. N.Y.; Boston, 2010.

Maria K. Golovanivskaya

CULTUROLOGICAL FEATURES OF RUSSIAN LOVE CONFESSION

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Russian love-knowledge verbs are analyzed in the article, which reveal the specifics of Russian ideas about love - to admit, explain, and open up. The verb “to confess” gives love to a crime, “to explain” - to a riddle, incongruity, “to open” - to a secret. Each of these similes has a mythological and cultural-historical origin, and none of these uses is accidental. So behind the verb “explain” is an ancient (ancient Greek) myth that explains why two people feel a sudden strong attraction to each other, passion. The article explains the origin of the typical Russian representations of a couple of lovers and then spouses as two halves. We are talking here about a story from Plato’s “Feast” (a dialogue dedicated to the issues of love), about people who once lived, according to this myth, of three genders: men, women and androgynes, who had incredible power. It was for this that the last ones were cut into two halves by the will of the gods. “And when”, we read in Plato, “the bodies were thus dissected, each half longing for the other half, they embraced, intertwined, longing to grow together, and died of hunger and inactivity, because they did not want to do anything apart... From such a long time ago, people have a love attraction for each other, which, by connecting the former halves, tries to make one of the two and thereby heal human nature”. Aristophanes writes the same story about androgynes. He says that “love is called the thirst for wholeness and the desire for it.

To the same story, the “crime” of love is being built. A crime in the desire to unite contrary to the will of the gods. The etymologies of the words “gender” and “sex” indicate the same situation. The word “gender” (male and female), came from the Old Slavic “half” – half. The same picture is observed in other Slavic languages, where the root is associated with the concepts of “side”, “half”, “cut”. The situation of cutting off, separation is behind the word “sex”, which came to Russian from English, and there – from Latin. “Sexus” originally meant “separation”, “dissection” (see the single-root “section”, “segment”, “secateur. “Sexus”, like the Latin – the line of separation, separation, which was once separated, hence the attraction of the sexes, the sexual attraction, which, under any ideological tendencies, has never been questioned. The same subject constitutes a mystery, which must be hidden, and the decision to open requires courage and readiness to take risks. First of all, because it is the Slavs who love, would-be wife and would-be husband – parts of fate. Unlike the European destiny (Fortune), the Slavonic Sudzhenitsy, coming to the house to the newborn, is sure to discuss the issues of his future heart life. The article lists and analyzes examples from the love explanations contained in Russian classical literature, or rather, in Russian prose.

Key words: socio-cultural meaning; Russian mentality; mythology; antiquity; Christianity; culture; tradition; love; love confession.

About the author: *Maria K. Golovanivskaya* – Dr. habil in Philology, Professor at the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: golovanivskaya@gmail.com).

REFERENCES

1. Agapkina T.A., Belova O.V., Tolstaya S.M. 2002. *Slavyanskaya mifologiya: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic mythology: Encyclopedic dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002. (In Russ.)
2. Antipov M.A. 2012. Sud'ba v mirovozzrenii drevnikh slavyan [Fate in the worldview of the ancient Slavs]. *Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera* [Conference collections NITs Sociosphere], no. 42, pp. 33–36. (In Russ.)
3. Golovanivskaya M.K. 2009. *Mental'nost' v zerkale yazyka. Osnovnye mirovozzrencheskie kategorii frantsuzov i russkikh* [Mentality in the mirror of language. The main worldview categories of the French and Russian]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.)
4. Dal' V. 1998. *Slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Dictionary of living Great Russian language]. Moscow, Tsitadel'. (In Russ.)
5. Makovskii M.M. 1996. *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropeskikh yazykakh* [Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages]. Moscow, Gumanitar. izd. tsentr "VLADOS". (In Russ.)
6. Platon. 2006. *Dialogi* [Dialogs]. Moscow, "Azubka-Attikus", 2006. (In Russ.)
7. Polozhenkova E.Yu., Dobronos D.A. 2016. Brak i sem'ya v khristianskoi i musul'manskoi traditsiyakh [Marriage and family in Christian and Muslim traditions]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], no.1, pp. 862–865. (In Russ.)
8. Rybakov B.A. 1981. *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow, Izdatel'stvo 'Nauka'. (In Russ.)
9. Sergeeva E.V. 2013. *Chelovek i bog v russkom religiozno-filosofskom diskurse* [Man and God in the Russian religious and philosophical discourse]. Moscow, Direkt-Media. (In Russ.)
10. Trubachev O.N. 1959. *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneishikh terminov obshchestvennogo stroya* [The history of the Slavic terms of kinship and some of the oldest terms of the social system]. Moscow, Izd-vo AN SSSR. (In Russ.)
11. Fasmer M. 1987. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. In 4 vol. Vol. 3. Moscow, Progress. (In Russ.)
12. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. Etymologie [National Center for Textual and Lexical Resources. Etymology.]. URL: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/> (accessed: 01.12.2019). (In French)
13. Coogan M.D. 2010. *God and Sex. What the Bible Really Says*. New York, Boston, Twelve. Hachette Book Group.